

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

A man with dark hair, tattoos on his neck and arm, and a watch is leaning over a woman with long blonde hair. They are looking at each other in a close, intimate pose. The background is dark and moody.

Ему тебя подарили
БЕСПОЩАДНЫМ
Мария Высоцкая

Мария Высоцкая

Беспощадный. Ему тебя подарили

«Автор»

2026

Высоцкая М.

Беспощадный. Ему тебя подарили / М. Высоцкая — «Автор»,
2026

Её выкрали из собственного дома и подарили ему. Враги отца отдали её на растерзание монстру. Человеку, которого она уже видела один раз в своей жизни, человеку, которому она когда-то помогла сбежать. В нём кипит ненависть. Он хочет мести, а она лишь разменная монета. Но даже самый жестокий хищник способен полюбить

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	11
5	13
6	15
7	18
8	21
9	23
10	25
11	27
12	29
13	31
14	34
15	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Беспощадный. Ему тебя подарили

1

Граф

— Ты её похитил? Похитил и притащил в наш дом? — визжит жена Ахметова.

Меня эти двое не видят. Заняты мозгобством.

— Она покроет все наши долги, Дана. Покроет долги и обеспечит безопасность!

— Что? Ты выжил из ума? Кому она нужна? Кому, Артур?!

— Тихо. Граф уже здесь, видишь машины на улице, — шикает на жену.

Ухмыляюсь и для приличия стучу в и так приоткрытую дверь, которую сразу же распахиваю еще шире.

— Савелий? — суется Артур. — Проходи-проходи. Дана, чай нам принеси. Или коньячку, может?

— Ты сказал, что у тебя ко мне какое-то дело, — захожу в кабинет под жалкий подхалимаж Артура.

— Дело, мой дорогой, дело. Ты присаживайся, присаживайся. Я тебя ждал.

Ахметов улыбается, кивает на кресло, в которое я, по-видимому, должен сесть, и, не унимаясь, потирает ладони.

Нервничает. Ещё бы. Он взял у меня денег и не отдал их вовремя. Набежали проценты. Ещё чуть-чуть — и мы станем врагами. Друзей я в должниках не имею. Они автоматически меняют свой статус. Да, жизнь жестока. А быть моим врагом ещё хуже; я бы не позавидовал.

— Я тебя внимательно слушаю, Артурчик, — перевожу взгляд на собеседника и сажусь в кресло. Но не в то, на которое он мне тыкал. Я занимаю его кресло за столом.

Ахметов фальшиво лыбится и сует мне в рожу свой мобильник.

— Вот, — бормочет, тыча в фотографию пальцами.

— Что это? — смотрю на фотку.

На ней девушка. Блондинка, худая, но с нормальными такими сиськами. Глаза голубые, почти прозрачные. И пальцы тонкие. Она впивается ими в свой мобильник, а на лице улыбка. Искренняя. Широкая. Такая, что ямочки проступают.

Я её знаю. Помню. Она тогда совсем малявкой была. Это дочь Галанина.

В голову закрадываются не самые радужные мысли. Если я здесь, а Ахметов с чего-то показывает мне эту девицу...

Артур, словно прочитав мою мысль, елозит своей сарделькой по экрану смартфона, перелистывая фотку.

На ней эта же самая девка, только уже в каком-то тёмном подвале.

— Когда это было снято? — поднимаю взгляд на Артура.

— Сегодня ночью. Она у меня сейчас. Это Лена Галанина. Его, — переходит на шёпот, — дочь.

— Ты спиздил её, что ли?

— Можно сказать и так, — Ахметов смотрит исподлобья и нервно прячет трубу в карман брюк.

— То есть, — расплываюсь в улыбке, — ты украл дочь Галанина?! — ржу. — И зачем?

Артур вообразил себя мафиози? Только кражи и продажи людей мне в моём городе и не хватало.

— Для тебя. Тебе в подарок...

— Мне она, позволь спросить, — отталкиваюсь от ручек кресла и поднимаюсь на ноги, — зачем?

— Это мои проценты к долгу. Плюс у тебя с Галаниным давний конфликт. Усмиришь его...

— Он и так уже давно сдал.

— И причинил тебе много проблем в своё время. Я предлагаю нанести ответный удар.

— Выключи пафос, Артур, — прохожу вглубь кабинета и замираю у окна, сунув руки в карманы брюк.

Дочь Галанина — разменная монета. Она была такой с рождения. Не зря наш дорогой Константин Сергеевич всю жизнь прятал всю свою семейку в занюханной глухой деревне, за пятиметровым забором, окружённым взводом охраны, как минимум.

Но в последние годы Галанин и правда сдал. Сначала здоровье, потом закадычные друзья вдруг оказались не друзья. Теперь он сидит в своём замке и прячется, как ссыкливый пёс.

Восемь лет назад он сломал мою жизнь, можно сказать, стёр с лица земли того парня, которым я был. А теперь мне в подарок суют его дочь.

— Окей, — разворачиваюсь к Артурчику, — списываю тебе ровно половину набежавших процентов. — Веди девку.

У Ахметова дёргается глаз. Этот утырок думал, я прощу ему все долги за какую-то дырку? Не идиот ли?!

— Да, её сейчас приведут.

Артурчик выбегает за дверь, а пару минут затаскивает в кабинет ее. У нее по лицу размазана помада, порвано платье, и сейчас она выглядит абсолютно не так как на той фотке с телефоном.

— Кто-то из твоей охраны успел её поиметь? — спрашиваю у Ахметова, пока девка вжимается в стену, разглядывая меня, как самое страшное зло в ее жизни.

— Нет, строптивая оказалась: моему водителю всю рожу в кровь исцарапала.

— Строптивая? — подхожу к ней вплотную, касаясь тыльной стороной ладони щеки.

Галанина ошпаривает меня своими серыми глазищами, а потом плюёт мне в рожу.

2

Лена

Я плюю ему в лицо и крепко зажимаюсь, ожидая пощёчины, удара, оплеухи...

Меня колотит уже целые сутки. С момента, как я оказалась в этом доме, нет — в том занюханном синем фургоне, на котором меня сюда привезли.

Привезли, как кусок мяса. Выкрали из собственного дома, с собственного дня рождения.

И вот теперь я здесь, а передо мной — он.

Граф.

Я его знаю.

Последние четыре года отец на нём словно помешался. Это настоящая мания. Он ждёт, что Граф вот-вот начнёт мстить, за события из прошлого. Он не выпускает нас из дома, держит взаперти и спит с пистолетом под подушкой. Он так сильно его боится, что, вот-вот свихнется. По крайней мере, так я думала еще вчера, а сегодня... сегодня понимаю, что папа во всем был прав.

— Лена-Лена... это было опрометчиво, — слышу тихий, но до дрожи пугающий голос Графа над своей головой.

Распахиваю веки и наблюдаю, как Граф вытирает щёку рукавом пиджака, не сводя с меня глаз. Сжимаюсь на автомате, потому что всё ещё жду удара или какого-то другого физического наказания, но его не следует.

— Выйди отсюда, — адресует Граф Ахметову, взмахивая рукой.

Артур тут же выскакивает из кабинета, оставляя нас вдвоём. Он делает это быстрее, чем я успеваю моргнуть, и от этого я теряюсь ещё больше.

Граф же подходит ближе, практически лишая меня воздуха. На автомате вжимаюсь в стену ещё сильнее и чувствую, как прохладный ветерок, проникший в кабинет через окно, щекочет кожу на плече. Там, где разорвано моё платье.

По телу тут же ползут мурашки, и я вздрагиваю.

Граф чуть прищуривается, а потом спрашивает:

— Боишься?

— Нет, — отвечаю сквозь стиснутые зубы и слышу его смех.

Он смеётся надо мной и, отойдя в сторону, садится на край стола, скрещивая руки на груди.

Дышать становится чуточку легче, меня даже отпускает. Я обнимаю свои плечи и смотрю на него затравленным взглядом, мечтая только об одном — убить.

Во всём, что со мной случилось, виноват он. Меня украли для него, а теперь, буквально хотят сделать пленницей.

— Сколько тебе лет? — спрашивает, продолжая обшаривать моё тело любопытным взглядом.

— Восемнадцать.

— А когда я видел тебя в последний раз, было не больше восьми...

— Десять, — шепчу, переступая с ноги на ногу.

Мир совершает быстрый оборот, а пол начинает уходить из-под ног. Наверное, это самое жуткое воспоминание из моего детства. Кровь. Море, нет — океан крови. Клетка. Удары.

Я тут же сползаю по стене, прижимая колени к груди, и пытаюсь дышать. Пытаюсь прогнать эти образы, много лет приходящие ко мне в кошмарах.

Мой отец — страшный человек. Он убивал, он пытал людей в подвале нашего дома. Я так часто слышала их крики. Все в доме слышали. А однажды я не выдержала и спустилась. Тогда-то и увидела всё своими глазами. Увидела, а потом годы пыталась это забыть.

Я обхватываю голову ладонями и слышу шаги. Слышу, как открывается дверь в кабинет, слышу чужие голоса, а потом чувствую, как меня резко поднимают с пола.

— Пусти! Пусти! — ору, пытаюсь сопротивляться, но это бесполезно.

— Утихни, — Граф резко встряхивает меня, как куклу. — Поедешь со мной. Не будешь создавать проблем — всё у тебя в жизни будет хорошо.

— А если буду? — шиплю ему в лицо. — Я сбегу, понял? Сбегу!

— Попробуй, — он улыбается. — Я даже удачи тебе пожелаю. В машину её, — толкает меня вперёд, и я едва удерживаюсь на ногах, чтобы не упасть. — Сообщите Галанину, что его дочь у меня.

— Он не приедет, — оглядываюсь, впиваясь в него взглядом. — Он ни за что не приедет!

— Я знаю, но мне это и не нужно.

— Тогда зачем ты берешь меня с собой?

— Чтобы вернуть ему. Но это будет чуть позже, Леночка. Сначала мы снимем отличное кино, которое очень понравится твоему папочке. В тачку её! — отдаёт приказ уже куда более жёстким голосом человеку у меня за спиной. — И рот ей заткните, слишком много болтает.

3

Граф

Андрей, мой водитель, сворачивает с трассы, пока за окнами мелькает лесополоса. Галанина в этот момент напрягается всем телом. На неё даже смотреть не нужно — я это просто через весь салон чувствую. Вжалась в дверь тачки, будто вот-вот через неё на улицу просочится.

— Куда ты меня везёшь? — спрашивает, просунув ладони между коленей. Судя по мокрым щекам и раскрасневшейся мордашке — рыдала.

— Узнаешь.

— Можно просто ответить? — психует, зыркая на меня исподлобья, обхватывая пальцами голые плечи. Платье ей разодрали прилично. На месте рукавов остались какие-то хлипкие лямки.

— Можно, но легче тебе от этого не станет.

— Станет. Терпеть не могу неопределённость.

— В мой загородный дом.

— Хорошо, — кивает и отворачивается.

Как только въезжаем на территорию, Галанина начинает вертеть по сторонам башкой и теревить подол своего атласного платья. Оно у неё бежевое, на несколько тонов темнее кожи. Скольжу по ней взглядом больше на автомате. Красивая, зараза.

Как только Андрей глушит движок, вылезая из тачки и, обогнув её со стороны багажника, открываю Галаниной дверь.

— Выходи, — протягиваю руку. О любезности говорить в сложившейся ситуации глупо, ну уж как есть.

Лена зыркает на мою ладонь и выкарабкивается из тачки самостоятельно, продолжая крутить головой. Ищет пути для побега? Не найдёт. Здесь круглосуточная охрана, камеры, датчики движения и псарня. Мой личный уголок помощи бездомным дворнягам, которым даже в приюте места не нашлось.

Лена слышит лай, доносящийся из вольеров, и напрягается всем телом.

— Боишься собак? — спрашиваю, подталкивая её к центральному входу.

— Нет, — врёт, мотнув головой.

— Их здесь двенадцать.

Галанина сглатывает и ничего мне не отвечает.

— Пошли, покажу твои апартаменты на ближайшее время.

Убираю руки в карманы и прохожу через холл, вверх по лестнице, не выпуская Галанину из поля зрения. Толкаю дверь в спальню и переступаю порог.

— Чувствуй себя как дома, — усмехаюсь.

— Как мило, — Лена осматривается и кривит губы, — даже решётки на окнах нет.

— Это мы всегда организуем, ты только попроси.

Галанина ошетиливается, но затыкается. Снова обхватывает себя руками и явно ждёт, когда я свалю.

— Ещё, — вытягиваю указательный палец. — Напиши список необходимых тебе вещей и отдай любому в доме — в течение пары часов тебе всё привезут.

— Я не собираюсь...

— Собираться не надо. Надо слушаться, — перебиваю. — Вопросы?

Не услышав ни звука, киваю и выхожу из спальни.

Спускаюсь в гостиную и зову начальника охраны дома.

— Глаз с неё не сводить, но без фанатизма. По первому требованию везти ко мне, если понадобится. Будить, из душа вынимать — ясно?

— Конечно.

— Окей, ну и руками не трогать. Она всё же наша гостя.

— Понял.

Хлопаю Михайлова по плечу и покидаю дом.

Пока еду на городскую квартиру, звонит Галанин, но я сбрасываю. Пока у меня нет абсолютно никакого желания вести с ним беседы. Пусть дядька помаринуется.

— Андрей, — обращаюсь к водителю уже на паркинге, — давай завтра в девять.

— Понял, Савелий Сергеевич.

Хлопаю ладонью по сиденью и вылезаю из машины, направляясь к лифту.

Как только попадаю в квартиру, слышу ненавязчивую джазовую музыку. Не разуваясь, прохожу в гостиную, посреди которой на диване сидит Жанна с бокалом вина в руке.

— Ты поздно, — выдыхает с явным капризом в голосе. — Я ужин заказала, платье специально для тебя купила, а ты...

Опускаю взгляд к внушительному декольте в этом самом платье, в который раз убеждаясь, что это её чуть ли не единственное достоинство. Сиськи и шикарный минет.

— Савелий... я хотела с тобой обсудить...

— Потом, — прохожу на кухню и наливаю виски.

— Что значит «потом»? — кудаччет, вскочив с дивана, и двигается за мной следом. — Я ждала тебя три часа! Ты хоть представляешь...

— Молчи, — произношу и делаю глоток.

Жанна в эту же секунду обиженно поджигает губы. Я соержу её второй год, и последние пару месяцев она начала борзеть. Это плохо.

— Спать иди, — киваю на лестницу, — и не еби мне мозги.

— Я...

— Молча, — растягиваю слова, и Жанна ретируется.

Рожу у неё перекашивает, конечно, но меня это мало волнует.

Беру с бара бутылку и практически падаю на диван. Делаю пару глотков прямо из горла и достаю телефон. Запускаю видео с камер наблюдения в комнате Лены.

После моего отъезда она там всё разьебала. Мебель в труху.

— И правда строптивая, — улыбаюсь и, погасив экран, поднимаюсь вверх.

Толкаю дверь в спальню и на ходу расстёгиваю ширинку.

Жанка выныривает из-под одеяла, и я тут же хватаю её за шею и подношу член к её губам.

— Поработай-ка ртом.

Она тут же начинает причмокивать, а я закрываю глаза и какого-то хуя представляю Ленку.

Ну, значит, в следующий раз сосать мне будет она.

4

Кручу в руке пустой бокал, наблюдая за раскачивающимся маятником, стоящим у меня на столе. Восемь вечера. Пятница. Самое время закончить с делами и расслабиться...

Галанин за сегодня звонил раз десять. Отвечать ему я пока не планирую, пусть маринуется. Связаться через знакомых тоже не получится — никто не сунется ко мне по его просьбе, зная о наших с ним прошлых «делах».

Вообще, идея забрать к себе Лену с каждым часом кажется всё тупее. На кой чёрт она мне сдалась? Если бы в рожу не плюнула, ещё бы вчера оставил её у Ахметова. Кто, блядь, так проценты возвращает? Какой год на дворе? Что мне с ней делать вообще? Трахать, если только...

Смешно, что эта мысль приходит мне в голову за последние сутки уже не первый раз. Возможно, и правда пришло время заменить Жанну. Она меня нормально так подбешивает.

Прокручиваюсь в кресле, словно хочу так более чётко уложить мысли о Лене в своей голове, а в дверь стучат.

Поднимаю взгляд и вижу Клима — начальника моей службы безопасности.

— Савелий Сергеевич, — проходит в кабинет, прикрывая за собой дверь, — дело есть.

— Слушаю.

Клим вырисовывает на роже что-то вроде усмешки и отодвигает для себя кресло.

— Артём Галанин этой ночью искал сестру по своим каким-то каналам и нарвался в городе на чертей.

— Галанин?

— Брат. Родной брат вашего нового приобретения. Они вроде как близнецы. Короче, местная гопота его отмудохала в подворотне где-то и выгребла подчистую. Нос сломан, ребро, он синий весь...

— А ты как на него вышел вообще?

— Этот придурок на всю улицу орал, что он сын Галанина и что его отец всех тут закопает. А ты же сам знаешь: нам о людях с такой фамилией сразу сообщают.

— Понял. А дальше?

— Ну мы его на квартиру пока отвезли. Док посмотрел, жить будет, сказал.

Клим замолкает, смотрит на меня, а я откидываюсь на спинку стула и думаю.

Холоднокровно думаю о том, что этот внезапно появившийся брат — хороший рычаг давления не только на своего отца...

— Это хорошо, — киваю. — Очень хорошо.

— Что с пацаном-то делать?

— Оставляй. Есть у меня на него один план...

— Понял.

Клим уходит, а мне почти сразу звонит Михайлов.

— Слушаю.

— Савелий Сергеевич, тут с вашей гостьей проблемы.

— Какие?

— Ничего не ест. Вообще. Мы ей утром завтрак принесли — так она поднос об стену разбила. В обед такая же ситуация произошла... А час назад она окно разбила и люстру. Вы сказали не трогать её... но что в такой ситуации делать? Если так дальше пойдёт...

Я закрываю глаза. Строптивая сука. Что ж, значит, придётся ехать самому.

— Ждите. Через час буду.

В загородный приезжаем не быстро. По дороге приходится заехать на ужин к мэру.

Андрей заезжает на территорию дома, паркуется, и я сразу же вылезаю из машины. Михайлов встречает меня на пороге. Весь в мыле. Слишком буквально понял моё распоряжение её не трогать...

— Где она? — спрашиваю, потому что запрета на передвижения по дому для неё я не давал.

— Наверху. В комнате, она из неё ни разу не выходила.

— Понял.

Киваю и поднимаюсь по лестнице. Перед дверью на секунду останавливаюсь и прислушиваюсь. Тишина. Её по ту сторону будто и нет вообще. Но когда открываю, убеждаюсь, что есть.

Сидит на полу у окна, в сдёрнутых и валяющихся рядом шторах.

В спальне пиздец. Разбито всё, что можно было разбить. И порезано всё, что можно было порезать.

Лена же сидит, поджав колени к груди, в том же самом платье, с растрёпанной копной волос и остатками размазанного по лицу макияжа.

— Стильно, — оглядываюсь. — Такой проект мне ни один дизайнер не предлагал.

Галанина впивается в меня взглядом и нахохливается. Я вижу злость в её глазах. Злость, смешанную с отчаянием.

Она молчит. Только смотрит, естественно, как на врага.

Я подхожу ближе, приседаю перед ней на корточки, чтобы оказаться с ней на одном уровне. Беру пальцами за подбородок, мягко сжимаю и улыбаюсь. Кожа у неё нежная, но горячая.

— Ответь, — говорю негромко. — Насколько вы со своим братом близки?

Она не понимает. Хмурится, пытается отдёргнуть голову, но я не отпускаю.

— Что? — шепчет севшим голосом, таким, будто она тут весь день дурниной орала.

— Насколько тебе дорога его жизнь? — уточняю спокойно, глядя прямо в эти прозрачные глаза. — Видишь ли, так получилось, что мы вытащили его из одной передрыги...

Лена замирает, а потом сглатывает. Я вижу, как вздымается её грудь, как по плечам ползут мурашки, и улыбаюсь шире.

— Врёшь, — выдыхает.

— Я никогда не вру, Леночка. Это слишком энергозатратно. Есть будешь? Или мне приказать кормить тебя насильно?

5

Лена

— Какой же ты... ты... — сжимаю в кулак край шторы, чувствуя прилив просто необычайной злости.

Если бы я только могла дотянуться до осколка, валяющегося в метре от меня, то, не раздумывая, всадила бы его этому уроду в сонную артерию. Не раздумывая! Ни секунды!

Но я не дотягиваюсь...

— Какой? — Граф приподнимает бровь и выпрямляется. Смотрит на меня сверху вниз с таким ледяным равнодушием, что я чувствую себя настоящей букашкой, которую в любой момент могут раздавить.

— Урод!

— Ну, это даже не обидно, — он ухмыляется, закладывает руки в карманы и подходит к разбитому окну, оставляя меня у себя за спиной.

Я провожаю его взглядом, слыша своё сердцебиение. Оно оглушает, пульс стучит в висках и будто шепчет: «Убей». Граф же внимательно осматривает дыру в стекле, осколки которого хрустят у него под ногами.

Он подсчитывает ущерб, даже не подозревая, на что я способна!

Конечно, я же, по его мнению, пустое место. Кусок мяса. Который можно принять в дар...

Стискиваю зубы и медленно, очень медленно отползаю вбок. Паника подбирается к горлу в эту же секунду, но я успеваю подавить её в зародыше. Хватаю осколок и, спрятав его за спину, поднимаюсь на ноги.

Поджилки дрожат. Тело не слушается, но это мой единственный шанс. Почти единственный.

Если я его убью сейчас... то... то смогу сбежать.

Да. Я смогу. Должна!

Сглатываю, а во рту — пустыня. Язык липнет к нёбу, а ладони, наоборот, потеют. Ещё немного — и стекло просто выскользнет из моих пальцев.

Выдыхаю и делаю шаг. Один, потом второй. Подхожу практически вплотную.

Он меня не видит, я всё ещё за его спиной.

Хватаю губами воздух, замахваюсь и чувствую резкую, обжигающую боль в запястье. Пальцы разжимаются сами собой, и я слышу, как стекло падает обратно на пол. Именно так звучит беспомощность!

Кожа на макушке огнём горит — ощущение, что с меня просто снимают скальп. Но нет. Он просто схватил меня за волосы. Сначала выбил стекло из рук, а потом схватил.

— Больно! — всхлипываю, прочерчивая коленями по полу, потому что ноги не держат.

— Ты дура? — спрашивает, и его голос звучит почти спокойно. Почти. Но я чувствую, как усиливается захват. Кожа на макушке натягивается до такой степени, что становится больно глазам. Я даже не могу нормально моргнуть.

— Пусти! Пусти меня! — дёргаюсь, но каждое движение приносит новую порцию боли. Голову будто сжимают тисками.

— Идиотка.

Он надменно фыркает и просто отшвыривает меня от себя.

Я скольжу коленями по паркету и реву. Реву, потому что сдерживать поток этих слёз становится просто нереально. Меня трясёт от осознания провала. От понимания, что никто меня не отпустит, что я буду сидеть здесь столько, сколько он посчитает нужным. От понимания, что моя жизнь больше мне не принадлежит.

Я облажалась. Я не смогла себя спасти.

А потом меня словно током прошибает. Я будто снова слышу его слова о моём брате и в ужасе скидываю взгляд.

Артём!

— Артём у тебя? — шепчу, всё ещё надеясь, что это просто его блеф. Игра. Один из способов меня сломать.

Граф пинает стекло в стену и, сунув руки обратно в карманы брюк, выходит из комнаты, ничего мне не ответив. Он даже дверь не закрывает — мол, можешь где угодно здесь ходить, всё равно дальше забора не уйдёшь.

Я оттягиваю подол платья по согнутым коленям к пяткам. Руки трясутся, слёзы всё ещё катятся по лицу, но я уже не вытираю их. Зачем?

С лестницы доносится его голос. Спокойный, командный, чужой.

— Пожрать ей принеси, в другую комнату пересели и передай, что если хочет увидеть брата живым и невредимым — нужно вести себя хорошо. Завтра часов в восемь за ней приедут. Проследи, чтобы была готова.

— Понял, — отвечает кто-то внизу.

Я закрываю глаза и прижимаюсь спиной к холодной стене. Артём у него.

Зарываюсь пальцами в волосы и чувствую на них липкую субстанцию. Распахиваю глаза и в ужасе смотрю на свою ладонь. Она вся в крови.

Но это не моя кровь.

6

На мне его кровь...

Не моя.

Его.

Пальцы дрожат. Тут же вытираю руку о подол платья, оставляя на бежевой ткани алые следы, которые моментально превращаются в грязно-бурые пятна.

Мне не страшно. Совсем. Я просто не понимаю его реакции.

Я пыталась его убить. Он порезал руку о стекло и просто молча вышел.

Отец наказывал нас за любой проступок. За косой взгляд, за лишнее слово... за всё. По коже тут же ползут мурашки, и я поглаживаю кончиками пальцев шрам на ноге от бляшки ремня.

В дверном проёме в этот момент появляется тёмная фигура. Женская, миниатюрная, с подносом в руках.

Женщина не смотрит на меня. Она просто переступает порог, заходит в комнату, перешагивая через битое стекло, и ставит большой поднос на ножках прямо в центр. И просто уходит. Молча, не оглянувшись и не взглянув на меня ни разу за эти две минуты.

Она уходит, оставляя дверь открытой. В комнате темно, и эта открытая дверь — единственный источник света, который широкой полоской пересекает комнату по диагонали, будто специально подсвечивая поднос.

Поднос, от которого невероятно вкусно пахнет едой. Пахнет так сильно, что у меня выделяется слюна.

Я, не заглядывая, могу сказать, что под крышкой. Тушёное мясо в специях и рис. Бурый рис.

А ещё — свежеиспечённый чёрный хлеб.

Желудок скручивает спазмом резкой боли так сильно, что я сгибаюсь пополам и зажимаю рот ладонью. Желчь прокатывается по пищеводу, обжигает гортань и вызывает приступ голодной тошноты.

Я не ела... Господи, когда я ела в последний раз?

Меня выкрали с собственного дня рождения. Я весь день готовилась к празднику. Крутилась перед зеркалом, красилась и не проглотила ни кусочка — ждала вечера. А вечером мне даже не дали сесть за стол. Ворвались в мою комнату через окно, ударили. Я потеряла сознание, а очнулась уже в том фургоне, где воняло плесенью.

Почти двое суток без еды и воды.

Сначала я боялась, что воду отравят. А потом... потом просто из вредности решила: умру, но не приму от них ни куска. Ни капли.

Глупая голодовка, на которую всем было плевать. Ахметову — точно. А Графу... ему, честно говоря, я уже даже не знаю.

Но факт остаётся фактом. Теперь я сижу на холодном полу, в разгромленной комнате, в грязном платье с чужой кровью на подоле, и нюхаю еду с этого дурацкого подноса, как бездомная собака.

Запах проникает в нос, щекочет вкусовые рецепторы, и желудок сжимается снова. Только на этот раз не от боли, а от дикого желания проглотить всё. До последнего кусочка.

Я так сильно этого хочу и так сильно в этот момент себя ненавижу.

Это постыдно. Это самое настоящее предательство. Я предаю себя.

Предаю и, как оголтелая, ползу прямо на карачках к этому подносу.

Срываю крышку с тарелки и, не коснувшись приборов, начинаю запихивать в себя еду руками. Рис валится на пол и на поднос, я давлюсь им, давлюсь мясом, но продолжаю есть руками.

Есть и плакать.

А еда при этом кажется такой вкусной...

Мне в жизни не было так вкусно. Никогда. Я опустошаю тарелку за пару минут, чувствуя, как сводит скулы от непрерывного жевания, и плюхаюсь на задницу.

Смотрю на пустую тарелку, вытираю рот тыльной стороной ладони и отползаю в сторону. Внутри всё дрожит. До чего я вообще докатилась?

Как такое могло произойти?

Мысли кружат, путаются, а глаза начинают слипаться.

Мне всё-таки что-то подсыпали?

Просыпаюсь уже утром. На кровати. В другой комнате.

Вокруг ни души. Тишина и белоснежные стены. Здесь идеальная чистота и целая мебель. Упираюсь локтями в матрац. На мне всё то же платье — рваное, заляпанное кровью и грязью. Это немного отпускает. Меня они не трогали. Только перенесли.

Поворачиваю голову и вижу на кресле стопку вещей. Чистых, женских, видимо предоставленных с графского плеча лично мне.

Как мило... Нет!

Отталкиваюсь ладонями от кровати и поднимаюсь на ноги. Когда прохожу мимо вещей, подцепляю майку пальцами, а потом вижу бельё. Сблэзн взятъ его становится непреодолимым...

Тайком оглядываюсь по сторонам, будто меня кто-то может видеть, и быстро сжимаю трусы в кулак. С ними же бегу в ванную.

Включаю душ и долго, очень долго стою под горячей водой, чтобы хоть немного смыть ужас прошедших дней и привести мысли в порядок. Получается плохо, но я стараюсь изо всех сил.

Вчера я пыталась убить Графа. Я на полном серьёзе намеревалась всадить стекло ему в шею. А он... он выбил у меня это стекло и даже не ударил. Это до сих пор не укладывается в моей голове. Просто какой-то необъяснимый диссонанс...

Отец всю жизнь нас лупил и всю жизнь внушал, что Граф — страшный, нет, ужасный и абсолютно беспощадный человек. Это, конечно, так, иначе он бы не взял меня себе в подарок, но всё слишком странно...

Я искренне его не понимаю и поэтому тревожусь лишь сильнее.

Когда мыслей становится чуть меньше, выключаю воду и, переступив бортик ванны, вытираюсь и заматываюсь в полотенце, не забыв надеть чистые трусы. От прикосновения свежего белья к чистой коже, как и с едой, испытываю кайф. Как оказывается, иногда нужно мало для счастья...

Когда выхожу из душа, сразу понимаю, что в комнате кто-то был. На тумбе стоит поднос с едой, а у двери висит платье.

Каша так сильно манит, что красную тряпку я игнорирую и вооружаюсь ложкой. Наевшись от пуза, всё-таки подхожу к вешалке и касаюсь ткани.

Платье короткое, явно очень дорогое. Без рукавов, но с закрытой шеей. Выглядит оно вызывающе.

Отвожу взгляд в сторону и рядом, на стуле, вижу конверт. Он тоже красный.

Подцепляю его пальцами, вскрываю и вижу три строчки размашистым почерком:

«В этом я хочу видеть тебя вечером.

Если проигнорируешь мою просьбу — брата не увидишь.

Выбор за тобой».

Выбор? А разве он у меня теперь есть?

7

Весь оставшийся день я как на иголках. Каждый шорох за дверью заставляет сердце сжиматься.

Я сижу на краю кровати уже второй час, не моргая, то и дело бросая взгляды на продолжающее висеть у двери платье. Оно кричит о легкодоступности своей обладательницы, и от понимания того, куда уходят мысли Графа с таким вот «подарком», внутренняя дрожь лишь нарастает.

Я изо всех сил стараюсь не думать об этом, чтобы не разрыдаться...

Не думать, потому что мне страшно. Так сильно страшно. И дело не только в платье. Дело в моём брате.

Как Артём оказался у Графа? Почему его вообще выпустили из дома? Отец всегда следил за безопасностью. Он у нас самый настоящий параноик. Мы последние лет восемь жили за высоким забором. По периметру камеры, охрана, посты, пропускная система...

Только рвов не хватало, ей-богу!

Такая крепость. Нет, замок. Где у тебя нет ни права выбора, ни права голоса. Только святая обязанность — молчать и не высовывать нос за территорию.

Но, судя по тому, что Артём тоже в городе, видимо, моя кража подкосила отца сильнее, чем я думала. Пока он искал предателей среди своих, что он делает с завидной частотой, — Артём успел улизнуть. Скорее всего, он пошёл на мои поиски. Дурачок!

Мы с ним всегда были близки. Родились в один день, с разницей в полчаса. Он старше и, конечно, всегда это подчёркивал. Как и то, что всегда меня защитит. Но в реальности защищать меня приходилось до этого дня только от отца. Артём добровольно брал на себя большую часть наших наказаний. А отца... отца это забавляло, потому что он никогда не считал Артёма сильным и смелым...

Хотя вряд ли отец вообще может сказать что-то хорошее про кого-то, кроме себя самого.

Он всегда был страхом моей жизни, а мама — её тенью. Сломленной отцом тенью, которую мы почти не видели. Она уже лет пять практически не выходит из комнаты и не хочет никого видеть.

Поэтому всю жизнь мы с Артёмом были против всех. У нас нет никого роднее друг друга. Нет и не будет.

Двое против всего мира.

Мы мечтали сбежать от отцовского гнёта. Мечтали устроить свою жизнь так, как сами этого хотим. Я — уехать в Питер, выучиться на дизайнера. Он — открыть свою мастерскую и тюнинговать машины.

Мы мечтали об этом сотни ночей подряд. Обсуждали захлёбывающимся шёпотом, чтобы кто-нибудь не услышал. Но вместо свободы снова оказались в плену. Теперь уже в настоящем...

В переживаниях за брата проходит день. За окном темнеет. За час до того, как за мной должны приехать, в дверь тихо стучат.

Я молчу, и стук повторяется.

— Входите, — шепчу, чувствуя напряжение в мышцах.

Дверь распахивается, и в спальню заходит горничная.

— Это для вас, Елена, — она проходит вглубь комнаты и ставит косметичку на тумбу.

— Спасибо, — отвечаю машинально.

Горничная кивает и тут же уходит, плотно закрывая за собой дверь.

Выдыхаю. Пару минут разглядываю доверху набитый косметикой кейс, но в итоге ни к чему из того, что есть внутри, не притрагиваюсь.

Я не буду краситься!

Я не буду краситься для него, хватит и платья. Этого безвкусного, шлюшьего платья!

Пусть видит меня такой, какая я есть. С красными глазами, с припухшими веками и без капли косметики. Пусть видит и знает, какой он на самом деле монстр.

Это глупо, наверное, надеяться на какое-то сочувствие от такого, как Граф, но я чувствую такую безнадегу, что в глубине души начинаю верить в какое-то убогое чудо.

И тем не менее платье приходится надеть. Рисковать встречей с Артёмом из-за своих принципов я не намерена.

Пока красный шёлк скользит по телу, обжигая кожу подобно пламени, я стою напротив зеркала и смотрю на своё отражение.

Короткое. Оно слишком короткое. Я чувствую себя в нём голой, несмотря на то, что ткань прикрывает практически всё, кроме ног, визуально их удлинняя.

Изо всех сил оттягиваю подол вниз, но он всё равно ползёт вверх.

Гадство!

Покопавшись на кресле, в которое уложили кучу других вещей, нахожу длинный чёрный тренч. С моим ростом он доходит мне до пят, что не может не радовать. В него и кутаюсь, застёгиваясь на все пуговицы.

Когда за мной поднимается охранник, я уже стою у двери, а пальцы сжимают пояс тренча с такой силой, что костяшки белеют.

— Идёмте, — командует широкоплечий бугай, пропуская меня вперёд.

Я молча выхожу в коридор, спускаюсь по лестнице, балансируя на таких же огненно-красных шпильках, и сажусь в машину, дверь которой для меня любезно открывают.

Оказывается, мы едем в город, и я жадно смотрю в окно на проплывающие ландшафты. Я практически половину жизни прожила за высоким забором. То, что для девочек моего возраста норма: тусовки, мальчики, ночные прогулки по городу, — для меня табу. Я видела эту сторону жизни лишь в кино или чужих сторис.

Это забавно, прилипнуть к окну, заморожено наблюдая за мелькающими огнями ночного города, пока тебя везут к твоему похитителю.

Забавно ловить образы людей, которые просто куда-то идут по улице с кофе в руках, которые задорно смеются и просто живут. Живут и наслаждаются свободой, которой у меня нет.

В этих навалившихся на плечи размышлениях я даже не замечаю, как машина, в которой меня везут, паркуется у стеклянной высоты.

— Приехали, — комментирует водитель, и охранник почти сразу открывает мне дверь.

Меня сопровождают внутрь до самых дверей квартиры, а потом и дальше. В комнату. В комнату, где сидит мой брат.

Артём жив, но не здоров. У него синяки на лице, на шее, костяшки сбиты в кровь, а голова перевязана бинтами, и от этой картинке меня начинает тошнить.

Я не помню, как оказываюсь рядом с братом. Просто в один миг падаю на колени уже перед диваном, на котором сидит Артём, и обхватываю его лицо дрожащими руками.

— Тёма... — шепчу, больше не сдерживая слёз.

Его били. И, судя по его рукам, он пытался драться. Артём!

— Лена, — он касается ладонью моей головы в успокаивающем жесте, но я всё равно чувствую, как дрожат его пальцы. — Со мной всё нормально.

— Нормально?

— Могло быть хуже, — он ухмыляется, а у меня сердце на куски рвётся.

— Как ты здесь оказался? Зачем вообще сбежал из дома?

— Искал тебя... ты же... — Артём не договаривает. Замолкает на полуслове.

Я чувствую, как напрягается его тело, а взгляд устремляется за мою спину.

Я и сама напрягаюсь, а когда медленно поворачиваю голову, вижу его.

Графа.

Он стоит в дверях, сунув руки в карманы брюк, и смотрит...

Жадно, как-то ненормально смотрит на мои ноги.

Я только сейчас понимаю, что, когда упала на колени перед диваном, тренч распахнулся, а это дурацкое платье задралось ещё выше.

Кровь тут же приливает к щекам, и я одёргиваю полы тренча, но кажется, уже поздно.

Граф медленно растягивает губы в улыбке, а его взгляд становится стеклянным.

— Воссоединение семьи состоялось, — он хлопает в ладоши, проходя вглубь комнаты.

— Ну а теперь поговорим об оплате.

8

Он сказал оплате?

Внутри после этих слов всё леденеет, но я ни за что не покажу ему свой страх. Наоборот, дерзко, насколько это только возможно в сложившейся ситуации, откидываю волосы назад, опалая Графа ненавидящим взглядом. Смотрю на него, крепко сжимая пальцы брата в своей руке. Мы есть друг у друга, и мы со всем справимся.

Правда, Граф этого словно не замечает. Он невозмутимо смотрит за наши спины. Смотрит, а потом едва заметно кивает. Этого кивка хватает, чтобы в комнату ворвались два широкоплечих бугая и, схватив Артёма под мышки, потащили его к двери.

— Не трогайте его! Не трогайте! — кричу, вцепившись в брата мёртвой хваткой. Сначала в руку, потом в предплечье, а когда понимаю, что не помогает, пытаюсь чуть ли не зубами вгрызться ему в кофту.

Внутри всё скручивается от душевной боли. Они не могут, не имеют права...

— Скажи им, чтобы они его отпустили, — выплёвываю слова, глядя на Графа, пока мои колени скользят по паркету. Меня просто волокут следом за братом.

— Ленка,пусти! — рычит Артём, явно боясь, что мне после такой сцены будет хуже.

— Не пущу. Они не могут, не могут... — скулю, больше не сдерживая слёз. Они текут по щекам, пока один из охранников не церемонясь разжимает мои пальцы, причиняя боль.

Он просто отдирает меня от брата, отталкивая на пол.

Я падаю. Плащ распахивается, а дверь в комнату закрывается практически у меня перед носом.

Всхлипнув, слышу голос Артёма: он кричит, что убьёт Графа, если тот только посмеет ко мне притронуться. Он так громко кричит, что у меня закладывает уши, и становится по-настоящему страшно. За него. За себя.

Граф же, стоящий в двух шагах от меня, будто всего этого не слышит и не видит.

У него такое спокойное выражение лица, словно ничего вообще не произошло. Это злит. Злит настолько, что, как только я поднимаюсь на ноги, подбегаю к нему почти вплотную и бью ладонью по щеке.

Всё внутри огнём горит.

Страх, ярость, отчаяние — всё это не даёт думать о последствиях. Ладонь тут же обжигает, а пальцы немеют.

Граф не двигается, кажется, целую минуту.

Молчит. И я молчу. Стою напротив него, смотрю в глаза и боюсь пошевелиться.

Что я наделала? А если это спровоцирует его причинить боль Артёму?

— Прости, — шепчу, — прости, я...

Граф медленно трёт щёку, не отрывая от меня взгляда. Он смотрит, а у меня кровь в жилах стынет.

Я не вижу в его глазах ни ярости, ни злости. Только холод. Абсолютный, бездонный холод, от которого хочется вжаться в стену, а лучше — исчезнуть.

— Прости, — бормочу, обнимая руками свои плечи. — Только не надо Артёма... — замолкаю, как только Граф прищуривается.

Он поднимает руку, касается пальцами моего подбородка, а потом, без намёка на прежнюю усмешку, произносит:

— С этого дня ты моя собственность, Лена. Уясни, пожалуйста, что от твоих дальнейших действий зависит то, насколько комфортной будет жизнь твоего брата. И будет ли она вообще.

— Что это значит? — шепчу неслушающимися губами.

Он смотрит на меня сверху вниз и начинает перечислять, загибая пальцы:

— Ты смазливая. Не дура. Дерзкая. И с каждой новой встречей я хочу трахнуть тебя всё сильнее.

Каждое произнесённое им слово приносит ему массу удовольствия. Я это чувствую. Вижу по горящему взгляду и по тому, насколько его прельщает моё унижение.

Унижение, расплзающееся по телу гадкой, липкой массой.

— Так зачем себя ограничивать? — продолжает, глядя на меня сверху вниз. — Жизнь твоего брата в моих руках. Но я с радостью отдам её тебе... за покорность. Нет, я, конечно, не зверь, поэтому можешь подумать. До субботы, к примеру. Да, в субботу вечером я приеду за ответом.

Он поднимает руку, и я инстинктивно сжимаюсь. Сжимаюсь и слышу его усмешку. Усмешку, которая через секунду превращается в прикосновение. Он с силой сжимает мои щёки пальцами, заставляет смотреть в его глаза.

— Просто забудь о слове «нет» для меня, — шепчет почти в губы, — и всё у тебя будет хо-ро-шо.

Он говорит негромко, а потом резко меня отпускает, причиняя этим лёгкую боль.

Я вздрагиваю, а он уходит. Просто разворачивается и уходит.

Я слышу его удаляющиеся шаги, потом отрывистые команды охране, хлопок двери — и присаживаюсь на колени.

В квартире становится тихо, а меня начинает трясти. Мелко, противно, от кончиков пальцев на ногах до позвоночника.

Я всхлипываю и понимаю, что первый раз в жизни я не знаю, что мне теперь делать.

Правда не знаю.

А самое ужасное — что я ничего не чувствую.

Даже когда меня везли в этот загородный дом, была хотя бы злость. А теперь... ничего. Только пустота и эта дрожь.

У меня есть время до субботы.

Но что я должна решить? Как вообще можно решиться продать себя ради брата или же позволить ему страдать? Как?

Это же смешно! Так не бывает!

Зачем он всё это с нами делает? Из-за отца? Из-за обид?

Это же я! Я была тем человеком, который помог ему сбежать. Я! Почему он этого не помнит?

9

Он дал мне время до субботы. Вот так просто швырнул этот ультиматум мне в лицо.

В его же реальности — дал время подумать...

Будто тут есть о чём думать.

Он же просто загнал меня в тупик. Своими руками создал эту ловушку, а теперь просто упивается происходящим. Как я могу выбирать в таких условиях? Как я могу отказаться от брата, если у меня есть хотя бы крохотный шанс ему помочь?

Граф всё это знал с самого начала.

Он уже знает мой ответ и просто оттягивает для меня неизбежное. Издевается...

Уверена, он как никто другой знает, что ожидание — самое жестокое наказание для человека, лишённого выбора. Ожидание неизбежного...

Всклипнув, обнимаю себя за плечи и на секунду пытаюсь представить, что будет с Артёмом, если я откажусь. Если не стану для Графа безвольной куклой. Игрушкой для утех...

Что тогда будет с моим братом?

Он его убьёт? Будет пытаться? Издеваться?

Что они с ним сделают?

С жестокостью впираюсь ногтями себе в плечи и раскачиваюсь из стороны в сторону, почему-то вспоминая, как в детстве, когда наша мама ещё была с нами рядом, она нас укачивала. Нам лет по пять было, мы втроём сидели в спальне, в углу, в темноте, где-то на фоне кричал отец, а мама пыталась нас утешить.

Она пыталась нас защитить, правда, но потом сломалась и навсегда спряталась за закрытыми дверьми, просто абстрагируясь от происходящего. Отец её уничтожил. Вот и всё...

Но я не мама.

Я не ломаюсь. Я не стану прятаться. Я знаю, чем заканчивается покорность. Знаю, как это, когда твою личность не просто подавляют — её просто стирают, оставляя после тебя какое-то подобие человека...

Пальцы тут же сжимаются в кулаки. Я поднимаю голову, смотрю на дверной проём, в который десять минут назад вышел Граф, и поднимаюсь на ноги, хаотично растирая слёзы по лицу ладонями.

В голове молниями пролетают кровавые воспоминания, от которых к горлу тут же подкатывает тошнота, и я сжимаю пальцами своё горло.

Нет! Не сегодня. Сегодня не могу об этом думать, не могу позволить себе вспомнить.

Сглатываю слёзы и выхожу из комнаты в пустой коридор прихожей. Как только я это делаю, за спиной практически сразу появляется мужчина в чёрном костюме.

Плевать!

Запахиваю на груди тренч, приближаюсь к стене и, оперевшись на неё ладонью, стягиваю с себя туфли. Эти дурацкие алые шпильки.

Он вынудил меня надеть всё это.

Вынудил, потому что я для него игрушка. Не больше.

Но я не хочу быть игрушкой! Не хочу быть разменной монетой в чужих руках!

Выдохнув, поворачиваюсь к зеркалу. Видок у меня тот ещё. Но это поправимо.

Всё в этой жизни поправимо, если ты ещё не в могиле.

Он решил лишить меня воли? Решил поиграть?

Так вот, я принимаю правила этой игры.

Принимаю, но на своих условиях.

Я буду податливой, ласковой и не откажу ему ни в чём. Я стану для него настолько ценной, что без меня его жизнь будет пустой и пресной. Я стану для него всем, а потом... потом я его убью. Убью, когда он не будет этого подозревать.

Убью, чтобы отомстить за боль и унижения.

У меня три дня. Три дня, чтобы свыкнуться с этой мыслью. Чтобы утихомирить собственный внутренний голос, чтобы научиться ему улыбаться и быть милой.

У меня есть целых три дня до субботы.

Сердце как бешеное колотится. Я ввязываюсь в опасную игру, но я обязательно одержу в ней победу. Обязательно!

— Я готова ехать домой, — произношу твёрдо, не обернувшись к охраннику.

Мужчина тут же огибает меня по кругу и, оказавшись впереди, открывает для меня дверь.

Мы спускаемся к машине в полной тишине. Едем тоже не обмолвившись ни словом, и только в комнате, сидя перед зеркалом на туалетном столике, я как душевнобольная разговариваю сама с собой, пытаюсь себя успокоить.

— Леночка, ты со всем справишься, потому что ты сильная и смелая. Слышишь?! Запомни это раз и навсегда. Он упадёт к твоим ногам, и когда это случится, ты отомстишь ему сполна. Помни об этом. Просто помни, — шепчу, улыбаясь своему отражению.

Утром я впервые за последние пару суток сама, добровольно спускаюсь на первый этаж к завтраку, явно вызывая своим появлением шок у персонала.

— Доброе утро, — мило улыбаюсь. — Я позавтракаю на веранде, если вы не против.

— Конечно, Елена, сейчас всё накроем, — тараторит полненькая женщина лет шестидесяти. Судя по всему, она здесь повариха.

— Спасибо, — благодарю с улыбкой.

Она не искренняя, конечно, но я тренируюсь. Мне нужно выдрессировать себя к приезду Графа. Нужно быть правдоподобной.

Как итог, завтрак проходит в одиночестве. Я ем блины с икрой и обдумываю свой план всё тщательнее.

Отец меня не спасёт. Никто меня не спасёт. Ни меня, ни Артёма.

Мне придётся сражаться самой за нас двоих.

Он хочет отобрать у меня мою личность, но я ему этого не позволю. Никогда.

Так проходят сутки, потом ещё одни, и ещё.

Субботнее утро не вводит меня в панику. Оно просто приходит и всё. На удивление, я даже не волнуюсь ни капли. Просто жду приезда Графа. Жду как что-то обыденное, поэтому до его приезда успеваю погулять в саду, почитать книгу, поплавать в бассейне и даже насладиться массажем.

Граф приезжает ночью. Около часа.

Я, естественно, не ложусь и спускаюсь к нему сама. Судя по реакции, перемена в моём поведении его если не настораживает, то точно удивляет.

— Привет, — улыбаюсь, останавливаясь буквально в шаге от него. — Я принимаю твоё предложение, но у меня будет пара условий.

— Условий? — Граф ухмыляется, но ничего больше не говорит, позволяя мне продолжить.

— Я хочу посещать универ и жить в городе.

10

— Насколько я знаю, ты нигде не учишься.

Сглатываю и резко отворачиваюсь. Конечно, я нигде не учусь, отец нас за забор-то не выпускал...

— Я поступила в наш местный универ, осталось только отвезти им документы... папа об этом не знал. Я... меня взяли по баллам школьным и...

— Я понял, — кивает и достаёт сигареты. — За документами к твоему папаше мне лично ехать или кого-то из ребят послать? — спрашивает, явно надо мной насмехаясь.

Хочет поставить меня в глупое положение? Нет. Ничего у него не выйдет.

Натягиваю на лицо улыбку и, поправив плечо распахнутой на груди рубашки, медленно выдыхаю.

— Я думаю, для тебя не проблема зачислить меня в вуз без документов.

Граф приподнимает бровь, и усмешка на его губах становится более выразительной.

— Какая предусмотрительная.

— Какая есть, — задираю голову.

Он молчит секунду, потом кивает. Когда затягивается, между нами повисает столб дыма, и я изо всех сил стараюсь не закашляться.

— Допустим. Но мне это зачем? Мне проще, если ты будешь сидеть здесь и не отсвечивать.

— Я думала, что мы заключаем сделку и...

— Условия нашей сделки я уже озвучил: ты со мной трахаешься, когда мне это нужно, а твой брат остаётся живым и невредимым.

— Я помню, но... — отворачиваюсь, растерянно заламывая пальцы.

К своему стыду, я не продумала, что буду говорить в случае его несогласия. Почему-то так рассчитывала на свою харизму, что вариант отказа даже не рассматривала.

— Ещё аргументы будут? — он спрашивает скептически, приподняв бровь, чем ещё больше вгоняет меня в панику.

— Нет, — мотаю головой, пуская слезу от банального бессилия.

Я облажалась. Крупно. Мне нечем крыть, нечего ему противопоставить. Он же и так «любезно» согласился сохранить жизнь моего брата. А я по наивности решила ставить ему условия... Допустила глупую мысль, что могу ему понравиться и он просто поведётся на мою просьбу.

Ну что за дура?!

Отворачиваюсь, хаотично придумывая новый план, но на ум ничего не идёт.

Граф в этот момент отдаёт тлеющую сигарету охраннику, всё это время стоящему позади него, и кивком головы приказывает всем уйти. Я понимаю это не сразу, лишь когда мы остаёмся одни в этой огромной, белой, почти стерильной гостиной.

— Я... — смахиваю со щеки слезинку, — я просто... — замолкаю на полуслове, потому что Граф касается пальцами моего подбородка.

Вздрагиваю и захлопываю рот, чувствуя, как подушечки его пальцев скользят от подбородка по моей шее прямо к ямочке между грудей, чуть-чуть оттягивают верх топа, чтобы потом резко отпустить.

Я слышу негромкий хлопок ткани о кожу, пока внутри всё звенит от напряжения и страха. Интуитивно сжимаюсь, впиваясь ногтями в ладони, снова чувствуя его прикосновения — теперь к спине. Он ведёт ладонью между моих лопаток, и я забываю, как дышать.

Он же... он...

Хватаю губами воздух, ощущая, как его лицо приближается к моему.

Я чувствую его дыхание на своей щеке и даже пошевелиться не могу. Что я буду делать, если он меня сейчас... если он...

Боже!

Дыхание становится рваным, руки и губы начинают дрожать.

— Допустим, я переселю тебя в город, — произносит негромко, прямо мне на ухо, — и устрою в универ. Ты же отдаёшь себе отчёт, что больше не сможешь сказать мне «нет»?

— Я пони... понимаю, — шепчу, заикаясь, и поднимаю на него глаза.

Мы тут же сталкиваемся взглядами, и внутри всё просто камнеет. Он смотрит на меня точно как не на человека. Точно-точно.

Смотрит примерно минуту в полной тишине, а потом начинает смеяться. Хрипло и до чертиков пугающе.

— Ладно, — произносит с какой-то странной улыбкой.

Я же пялюсь на него как дура, вообще ничего не понимая.

— Ладно? — переспрашиваю, прикрывая грудь ладонями.

— Живи, учись. Мне в общем-то всё равно, чем ты будешь заниматься. Но, — снова нависает надо мной, — запомни наши простые правила: если я звоню, ты всегда мне отвечаешь. Если зову — всё бросаешь и приезжаешь.

— Да, — киваю.

— Договор.

— А Артём? Ты обещаешь, что он будет в безопасности?

— Если ты будешь умницей — он проживёт долгую и счастливую жизнь.

Я закрываю глаза на мгновение, чтобы побороть в себе приступ ненависти, а когда открываю, с улыбкой произношу:

— Конечно.

— Тогда собирай шмотки, ты переезжаешь.

— Сейчас? — пялюсь на него во все глаза.

— В ближайшую неделю, — смотрит на часы у себя на запястье, — у меня не будет времени с тобой возиться.

— Ладно, — часто киваю и делаю пару шагов назад. — Я могу идти? — киваю на лестницу.

— Полчаса у тебя есть. Не соберёшься — останешься здесь насовсем.

— Я быстро, — растерянно улыбаюсь и бегу наверх.

Как только оказываюсь в спальне, почти следом за мной заходит горничная с огромным чемоданом и предлагает помощь.

Я соглашаюсь и не верю, что у меня получилось.

Первый раунд остался за мной.

Теперь главное — выжить в этой игре и не потерять себя.

11

Граф лично отвозит меня в город.

В машине мы едем с ним вдвоём. Без охраны и водителя. Со стороны может даже показаться, будто мы обычные люди, может быть, даже близки друг с другом. В реальности же я сижу, сцепив пальцы в замок, и практически не шевелюсь. Что там «не шевелюсь», я дышу через раз. Граф пугает меня до чёртиков, а кожа до сих пор горит в том месте, где он меня касался.

— Приехали, — комментирует, останавливая машину на подземном паркинге.

— Отлично, — поворачиваю голову, выдавливая из себя вежливую улыбку.

Граф с усмешкой постукивает по рулю и открывает свою дверь. Я торопливо делаю то же самое, стараясь не думать, что через минуту мы с ним окажемся в лифте. Вдвоём. Снова в замкнутом и теперь уже совсем крошечном пространстве, ещё и при ярком свете.

Когда это случается, меня перетряхивает так сильно, что я даже скрыть этого не могу. Граф замечает и то, как перекашивает моё лицо, и то, как я передёргиваю плечами от отвращения...

Это провал, да?

Прижавшись к стене, опускаю голову и всё время поездки смотрю на свою обувь. Мы поднимаемся на десятый этаж. Граф пропускает меня вперёд и у самой двери вручает ключи.

— Твой дубликат, — комментирует и кивает на замок.

— Спасибо, — шепчу, крепко сжимая ключи пальцами.

— Открывай.

— Да... — бормочу и вставляю ключ в замок, молясь, чтобы руки не дрожали.

Я медленно проворачиваю ключ и, толкнув дверь, переступаю порог.

Здесь так же минималистично и светло, как в загородном доме. Интерьер практически один в один.

Быстро осматриваюсь в прихожей и прохожу в глубь гостиной с выходом на огромную лоджию с панорамой ночного города.

Это красиво. Очень.

Но насладиться видом мне мешает стоящий за спиной Граф. Он ходит за мной по этой квартире практически по пятам, чем не просто напрягает — я сбежать отсюда хочу.

Он наблюдает за мной так пристально, что горят щёки и уши. Я чувствую его запах, слышу его шаги и буквально задыхаюсь. Когда он рядом, мне становится так тесно даже в самой огромной комнате...

К горлу подкатывает тошнота. Улыбаться приходится не просто через силу — я чувствую себя так, будто положила голову на плаху и жду, когда упадёт топор.

Страшно до ужаса. Что, если он решит воспользоваться мной прямо сейчас? Например, здесь? На этом холодном полу или на вон том огромном белоснежном диване?

Что я буду делать? Кем и как себя чувствовать?

У меня не было мужчин. Даже поцелуев не было. Я полжизни просидела в четырёх стенах. В какой-то степени это похищение даже дало небольшое преимущество. Теперь я вполне законно могу выходить из дома. Могу учиться. Сидеть в аудитории с реальными людьми, видеть их лица, слышать их голоса.

Но во всём этом есть одно громадное «но»! Артём в заложниках, а я продала своё тело. Нет, меня вынудили, конечно, но глобально это мало что меняет.

Качнув головой от обиды и отчаяния, подхожу к окну и касаюсь стекла кончиками пальцев. Город лежит под ногами как на ладони. Вид завораживает. Я в самом сердце, стою и с высоты птичьего полёта смотрю прямо на ночную набережную.

Это так красиво, что на минуту я даже забываю, где я, а самое главное — с кем.

Но реальная жизнь напоминает о себе почти сразу. У Графа звонит телефон, и, вздрогнув, я поворачиваю голову, наблюдая за эмоциями на его лице.

Он молчит в трубку, сведя брови к переносице, а потом, негромко выругавшись, направляется в прихожую.

Он уходит, не взглянув на меня. Просто молча хлопает дверью.

Он уходит, и я выдыхаю. Тело тут же расслабляется, как будто кто-то снял с меня тяжёлую кольчугу.

Не сегодня...

Сегодня он меня не тронет.

Внутри всё отмирает. Я тут же бегу к двери, закрываюсь в квартире изнутри и несусь в ванную. Набираю её до верха, пока пена не начинает лезть через края.

Не знаю, сколько по времени я там лежу, но спать ложусь точно под утро. Как только голова касается подушки, меня сразу же вырубает. А вот будит на удивление телефонный звонок.

Резко сажусь на кровать, не понимая, откуда в квартире телефон. Граф что, вернулся?

От одной только мысли об этом меня не просто перетряхивает — сердце от страха уходит в пятки, а телефон продолжает трезвонить.

Сглатываю и, ступив на тёплый пол, осторожно крадусь по квартире на звук.

Мобильник нахожу на диване. Он продолжает звонить, а на экране высвечивается имя: «Савелий».

Вздрагиваю.

Графа ведь именно так и зовут. Получается, он ещё вчера оставил тут для меня телефон, а я даже не заметила?

Но пугает другое — его слова о том, что я обязана всегда брать с него трубки и мчаться к нему по первому зову. Неужели это оно? Уже?

Сглатываю и подношу трубку к уху.

— Завтра можешь топать в универ.

Я застываю.

— Что? — переспрашиваю севшим голосом. — Уже? То есть я...

— Я как-то непонятно говорю?

— Нет, но...

Договорить не успеваю. Он просто сбрасывает звонок. Я же пялюсь на тёмный экран, до сих пор не веря, что всё это правда. А потом... потом зажимаюсь и громко взвизгиваю.

— У меня получилось! — ору на всю квартиру, подпрыгивая на месте.

Граф

Откладываю телефон на стол, наблюдая через монитор за забавной картиной — Лена, одетая в одну футболку, едва прикрывающую задницу, скачет по гостиной, как горная коза, с такими же дикими воплями.

Растягиваю губы в улыбке, откидываясь на спинку кресла.

12

Лена

Я просыпаюсь в пять утра без будильника. Просто распахиваю глаза, смотрю в потолок и думаю о том, что сегодня, буквально через пару часов, я поеду в универ.

Внутри всё содрогается от лёгкого волнения. Это не страх, нет, это больше предвкушение. Да. Оно разрастается прямо из груди, охватывая собой каждую клеточку тела.

Для меня это не просто учёба. Не просто хождение на пары. Это почти смысл жизни. Учиться, узнавать что-то новое, сокровенное. А ещё это способ отгородиться от отца, от всех тех тёмных делишек, которые он творил. Я поступила на юрфак, я хочу стать адвокатом и помогать людям. Помогать честным людям, оказавшимся в плохой ситуации.

Это детская мечта, которую я вынашивала в себе долгие, одинокие годы. Мечта, ради которой стоит жить и ради которой стоит бороться, чтобы помочь другим.

Может быть, это звучит пафосно, а может, нестерпимо глупо, но я верю в то, о чём думаю. Верю и знаю, что у меня обязательно получится.

С этими мыслями я выбираюсь из тёплой кровати и шлёпаю по полу босыми ступнями в душ. Включаю воду погорячее, моюсь, сушу волосы, наношу лёгкий макияж, мажу тело молочком и около получаса зависаю перед распахнутым шкафом, решая, что мне надеть.

В итоге, так до конца и не определившись, иду завтракать. Яичница, йогурт и кофе. Пока ем, мысленно готовлюсь к встрече с одногруппниками. Что о себе расскажу, как буду держаться, улыбаться и вообще выглядеть.

Это завораживает, когда с тобой подобное происходит впервые. Когда ты всю жизнь была пленницей собственного отца...

Прикончив завтрак, несколько раз проверяю сумку: ручки, тетради, документы, зарядка для телефона, косметичка, вода, салфетки, наушники.

За полчаса до выхода мне звонит водитель и сообщает, что подъезжает. И тут начинается паника. Я снова возвращаюсь к гардеробу, ворошу наряды и пару раз переодеваюсь, останавливая свой выбор на чёрном пиджаке, широких синих джинсах и белой майке.

Когда водитель звонит в дверь, вздрагиваю и бегом несусь в прихожую. Обувая туфли и выскакиваю на площадку с сумкой в руках.

Водитель сопровождает меня до машины, услужливо открывает дверь, и лишь когда я забираюсь в салон, садится за руль, а потом протягивает мне коробку.

— Савелий Сергеевич просил вам передать. На учёбе вам это понадобится.

Это... Макбук?

Моргаю, чуть сильнее сжимая пальцами коробку.

— Спасибо, — бормочу, не поднимая глаз.

Это подарок? Мне?

Нерешительно снимаю крышку и веду кончиками пальцев по серебристой металлической поверхности, чувствуя себя при этом так странно...

С одной стороны, ноутбук мне действительно понадобится. С другой — это же подачка. Плата за моё тело, верно?

Первые пары проходят как в тумане. Я слушаю преподавателей, веду конспект и впитываю каждое слово. Сажу в основном одна. Ни с кем не знакомлюсь, да и со мной никто не знакомится. В перерывах делаю вид, что увлечённо что-то читаю в телефоне, а на самом деле просто бездумно листаю ленту, чувствуя себя как никогда одинокой.

Раньше я казалась себе смелее, а сейчас понимаю, что даже заговорить первой с кем-то боюсь. Это глупо, да?

Правда, на большом перерыве, в столовой, ребята из моей группы подхватывают меня сами. Не под руки, конечно. Просто зовут за свой столик. Две девушки и трое парней. Они все пары держались вместе и часто очень громко смеялись, практически на всю аудиторию.

Мира, Стася, Олег, Семён и Слава.

Я честно пытаюсь запомнить всех.

— Лена, значит, — констатирует Мира. — И откуда ты? Отдыхала или перевелась? Середина сентября уже.

— Отдыхала, — улыбаюсь.

— То есть местная? Где живёшь?

— В центре, тут не так далеко, у набережной.

Ребята одобрительно кивают, а я начинаю замечать, что все они явно не из обычных семей. Да и меня они, судя по всему, позвали к себе по тому же принципу. На мне туфли Маноло Бланик и прадовский пиджак.

— Кстати, мы вечером идём в «Марину», — сообщает Семён, — ты с нами?

Что такое «Марина», я понятия не имею, и что отвечать им, тоже не знаю. Плюс шок. У меня в жизни не было столько живого общения.

— Посмотрим, — жму плечами. — Я ещё не распланировала сегодняшний вечер.

— Вот и отлично, значит, тусишь с нами, — уверенно заявляет Олег, закидывая руку мне на плечо.

Вздрагиваю и аккуратно убираю с себя его руку.

— Не прокатило, Олежа? — смеётся Стася. — Правильно, Ленка, шли его нафиг!

Я растерянно улыбаюсь.

Остаток пар мы сидим вшестером, и здание универа покидаем такой же компанией.

Я шурюсь от яркого солнышка и сразу вижу его. Чёрный внедорожник, на котором меня привезли утром, уже стоит почти у входа в здание университета.

Меня ждут, как первоклассницу после уроков...

— Лен, тебя подвести? — спрашивает Слава.

— Я... — растерянно оглядываюсь на машину, из которой уже вышел водитель и уверенно берёт курс на нас.

— Елена Константиновна, пора.

Я вздрагиваю от сухого голоса позади и нехотя поворачиваю голову, напрягая плечи.

— Я уже иду, — мило улыбаюсь и разворачиваюсь обратно к ребятам.

— Оу, да у нас личный водитель! — смеётся Мира. — Ты наказана, что ли?

— Я... — запинаясь, — а, нет, это мой дядя. У него повышенная тревожность, поэтому... — взмахиваю рукой, замечая, как по лицу водителя проскальзывает усмешка.

Под «дядей» я имею в виду Графа. В принципе, если он вдруг лично сюда заявится, у меня уже будет для него легенда и не придётся ни перед кем объясняться.

— Ясно, — скисает Олег. — Так что насчёт вечера?

— Я подумаю, — снова улыбаюсь и, взмахнув рукой, иду к машине. — Всем пока.

Как только оказываюсь в салоне авто, выдыхаю, но буквально на пару секунд, потому что водитель вдруг решает со мной поговорить.

— Как первый учебный день, Елена?

— Хорошо, — пожимаю плечами. — Было чуть-чуть страшно.

Водитель кивает, а потом как ни в чём не бывало добавляет:

— Савелий Сергеевич вас уже ждёт.

— Ждёт? — переспрашиваю севшим голосом, леденя изнутри.

— Да. Велел доставить вас к нему сразу после пар.

Это то, о чём я думаю? Он... он...

Отворачиваюсь и стараюсь держаться изо всех сил, чтобы не заплакать.

13

Меня трясёт от самых кончиков пальцев на ногах до корней волос.

Было же такое прекрасное утро...

Ну вот как? Как всё буквально за секунды стало настолько плохо?

Крепко зажмуриваюсь, стараясь выровнять дыхание, чтобы хоть как-то себя успокоить. Вдох-выдох. Глубокий, осознанный. Правда, всё равно не помогает.

Мысли слипаются в комок, и я едва могу внятно размышлять. Что я скажу ему, когда мы встретимся? Как буду действовать? Что буду делать, если он захочет секса?

От одной только мысли все внутренности скручивает тугим узлом, а к горлу подкатывает тошнота. Я стараюсь держаться, но это тщетно. Я раздавлена, просто прихлопнута как муха, одним ударом.

Сцепляю пальцы в замок так, что чувствую въедливую боль и белеющие костяшки. А когда снова закрываю глаза, практически молюсь — пусть ничего сегодня не случится. Пусть!

Машина тем временем останавливается за воротами малоэтажного жилого комплекса дореволюционной стилистики. Здесь и лепнина, и брусчатка... неужели он и правда возомнил себя графом?

Эти мысли смешат, но не настолько, чтобы больше не думать о цели моего сюда визита...

Сглатываю, снова проваливаясь в свои мысли, так что даже не замечаю, как водитель выходит из машины и открывает для меня дверь. Вздрагиваю, осознав, что мне вот-вот придётся вылезти из этого уютного салона, который за минуты поездки стал практически моей крепостью.

Водитель стоит, не шевелясь, и смотрит на меня сверху вниз. Терпеливо ждёт, не подгоняя ни словом, ни делом.

Я не хочу выходить. Я боюсь. Даже ноги стали ватными. Это же какой-то нескончаемый спектакль, где я играю главную роль, и она... она отвратительна!

— Елена Константиновна, — водитель всё-таки подаёт голос.

Я вздрагиваю и ставлю одну ногу на брусчатку. Всё внутри протестует. Если бы я могла испариться, давно бы уже это сделала.

Медленно вылезая из машины. Каждый шаг в сторону парадного входа даётся с трудом. Я словно лом проглотила. Ноги не гнутся, спина одеревенела...

Я иду на эшафот, не иначе.

Водитель услужливо открывает мне дверь в подъезд и провожает до квартиры на третьем этаже.

Мы замираем у самых дверей. Я сглатываю, а он... он толкает дверь, пропуская меня вперёд.

Я делаю шаг. Всего один шагочек, переступаю порог, и дверь за мной тут же закрывается. Я остаюсь одна в светлой, просторной прихожей с трёхметровыми потолками.

Боязливо осматриваюсь, впиваясь пальцами себе в плечи, и жду. Чего именно? Не знаю. Может быть, появления Графа, а может, просто каких-то указаний.

Внутри при этом всё огнём горит от страха и неизвестности. Чего мне ждать от этой встречи? Как далеко она зайдёт и останусь ли я после неё прежней?

Когда из глубины квартиры доносится его голос, меня перетряхивает. С каждой секундой я начинаю слышать его всё громче. Судя по всему, Граф говорит по телефону и направляется в эту минуту именно ко мне.

Сжимаю руки в кулаки как раз в тот момент, когда Граф выходит в прихожую и скользит по мне быстрым, и всё тем же оценивающим взглядом. Он меня с ног до головы оглядывает, а потом... потом жестом подзывает к себе. Как собаку какую-то!

Расправляю плечи и... стою не шевелясь. Пялюсь на него во все глаза, но с места не двигаюсь.

Граф чуть прикрывает рукой микрофон телефона и уже голосом обозначает, чего от меня хочет.

— Иди сюда, — цедит с прищуром.

Я тут же переступаю с ноги на ногу и хочу лишь одного — вжаться в стену позади себя, а потом и вовсе в ней раствориться.

Я так этого хочу, но заставляю себя передвинуть ногу. Делаю это с трудом, через дикое сопротивление. Шаг, ещё один, и ещё...

Граф кивает на дверной проём и снова отвлекается на телефон. Я крадусь за ним следом, чувствуя, как меня вот-вот вырвет, поэтому тут же зажимаю рот ладонью. Оказываюсь в огромной столовой с панорамной аркой. Здесь так же светло, красиво и куча отсылок к девятнадцатому столетию.

Я замираю посреди комнаты, даже не замечая, что Граф уже закончил свой разговор. Повисла тишина.

— Нравится?

Его голос прорывается сквозь толщу страха, и я просто киваю.

— Присаживайся, — он отодвигает для меня стул.

Киваю, но не сажусь.

— Можно я помою руки? — шепчу, ощущая, как по спине прокатываются капельки пота.

— Там.

Граф указывает на дверь, и я прячусь за ней в эту же секунду. Долго разглядываю себя в зеркало, полощу рот, мою руки — раз пять минимум, — и никак не могу успокоиться.

Не могу! Не могу! Не могу!

В итоге, осознав, что деться мне некуда, выхожу обратно в столовую и неуклюже плюхаюсь на стул. Пальцы сами собой сжимаются в кулаки, и я прячу их под стол.

Граф садится напротив, по другую сторону стола, и... смотрит. Смотрит не без интереса. Я для него словно подопытная игрушка...

— Я хочу с тобой пообедать, — выносит свой вердикт, чуть склоняя голову набок.

— Пообедать? — шепчу, облизывая пересохшие от волнения губы. — Только пообедать?

Он приподнимает бровь и, усмехнувшись краем губ, спрашивает:

— Ты разочарована?

— Нет.

Граф кивает куда-то в сторону, и через минуту в столовую бесшумно входят двое — мужчина и женщина в форме. Они расставляют на столе еду, тарелки, приборы и бокалы.

Всё выглядит очень красиво, но вряд ли я сейчас смогу засунуть в себя хоть один кусочек. Нет!

Когда они заканчивают, то так же быстро и бесшумно уходят, закрывая за собой двери столовой.

Мы остаёмся вдвоём.

Граф откидывается на спинку кресла, вытягивает руку, положив её на стол ладонью вниз, и с прищуром проходит взглядом по моему лицу, плечам, груди...

Смотрит так, будто я какая-то диковинная зверушка, которую он купил на аукционе, а теперь изучает. А может, даже приручает...

— Сними пиджак, — берёт со стола пачку сигарет. — И майку.

Моё сердце пропускает удар.

— Что? — выдавливаю, не веря своим ушам.

— Ты слышала. Надеюсь, — он ухмыляется, постукивая сигаретой по столу, — что на тебе кружевное бельё.

Он говорит это с такой пугающей лёгкостью, что меня снова колотит. Смотрю на него и вижу в его глазах холодное любопытство, издевку...

Он хочет проверить, насколько я покорна?

— Долго, Лена, — комментирует моё замешательство. — У нас уговор, если ты помнишь.

Я киваю. Пальцы дрожат и не слушаются. Если снять с себя пиджак у меня получается за пару секунд, то вот майку снимать я не планирую вообще.

Граф, видимо, сразу это понимает и, с шумом выдохнув, напоминает:

— Ты сама согласилась. Помнишь? Так что раздевайся. Или ты ждёшь моей помощи?

14

Его слова бьют наотмашь.

Жду ли? Конечно нет!

А он продолжает смотреть, и голос у него такой... без капли сомнения, без тени сочувствия, а в глазах — холодное ожидание.

Я смотрю на него и понимаю: он не шутит. Если я не сделаю этого сама, он сделает это за меня, и мне будет хуже. Намного хуже.

— Не надо, — шепчу, не узнавая собственный голос. — Я сама. Сама...

Пальцы дрожат. Приходится сосредоточиться, чтобы хоть немного побороть эту дрожь и коснуться низа майки.

Я подхватываю кончиками пальцев белоснежную ткань и медленно, сантиметр за сантиметром, стягиваю её через голову, захлёбываясь внутри себя слезами.

В столовой повисает звенящая тишина. Она калечит моё сознание, она убивает. Она не даёт мне дышать и чувствовать себя человеком.

Я продала себя ему...

Стискиваю зубы, слыша собственное дыхание. Оно прерывистое, рваное и такое тяжёлое. Мамочки...

Майка падает к моим ногам. Я остаюсь сидеть на стуле в джинсах и кружевном бежевом лифчике без бретелей. Он с пуш-апом и делает грудь практически идеальной. Когда утром я надевала его под майку, просто хотела чувствовать себя красивой, а теперь об этом жалею.

Граф медленно скользит взглядом по моим плечам, ключицам и чуть дольше задерживает его на ложбинке груди.

Я сглатываю, а он... он продолжает разглядывать. Не торопясь, с каким-то предвкушением. Он рассматривает меня как товар на витрине, а у меня мурашки по всему телу. Кожа даже изнутри колется.

Он смотрит неотрывно. Без похоти, больше просто с интересом. Оценивающе. Да, он снова меня оценивает!

И это так отвратительно, чувствовать себя чьим-то приобретением. Унизительно...

— Отлично, — произносит с явной ухмылкой, а потом прикуривает сигарету.

Дым тут же расползается по комнате, вызывая раздражение в носу.

Я крепко сжимаю губы, чтобы не сказать ему что-то резкое. Что-то, о чём потом пожалею. А руки сами собой тянутся прикрыть грудь.

— Мы так не договаривались, — тут же словесно одёргивает Граф.

Я тяну воздух через нос, и мне ничего не остаётся, кроме как заставить себя опустить руки.

— Ешь, — кивает на мою тарелку.

Я смотрю в тарелку, чувствуя голой спиной прохладную кожу спинки стула, и хочу рыдаться. Да, это единственное, чего я сейчас хочу.

Пиджак вместе с майкой валяются у меня под ногами. Мне холодно и дико стыдно. Хочется закрыться на сто замков, а лучше — исчезнуть. Но вместо этого я беру в дрожащие пальцы вилку и нанизываю на зубья кусок рыбы.

Жую, наверное, целую минуту, а вкуса всё равно не чувствую.

Граф тоже ест. Спокойно, неторопливо, не сводя с меня глаз. Он ведёт себя так, словно у нас самый обычный обед. Словно я не сижу здесь в одном лифчике по его приказу.

— С первым учебным днём, — произносит, салютуя мне бокалом с вином.

— Спасибо, — бормочу, не поднимая на него глаз.

— Как впечатления?

— Нормально.

— Познакомилась с кем-то?

Я вздрагиваю и вот теперь поднимаю взгляд. Неужели он знает про приглашение в бар? Неужели решил, что я пойду? Неужели за этим последует наказание?

Смотрю на него во все глаза охваченная страхом, и вижу его улыбку. Такую неброскую, но адресованную именно мне.

— С одноклассниками, — шепчу, а потом добавляю: — Они пригласили меня в бар сегодня вечером.

— И ты отказалась, — утверждает без капли сомнения.

— На самом деле я не давала им никакого ответа, — мотаю головой, крепче сжимая пальцами вилку.

— Понятно.

Он кивает и продолжает есть. Я же сижу, боясь шелохнуться. Это всё? Что он имеет в виду под этим «понятно»?

Это нервирует. Я откладываю вилку и снова поднимаю на него взгляд.

Граф чувствует это, перестаёт жевать, и наши глаза встречаются.

Я вздрагиваю, но, пересилив себя, продолжаю на него смотреть, хоть и соблазн отвернуться велик.

— Я сделал что-то не так? — спрашиваю шёпотом.

Граф не без удивления приподнимает бровь и, вытерев рот салфеткой, поднимается на ноги. Как только он выпрямляется, я чувствую, как кожа покрывается мурашками. Мне страшно. Очень и очень страшно, потому что я абсолютно его не понимаю. Что у него на уме?

Граф тем временем обходит стол и, остановившись за моей спиной, приказывает:

— Встань.

Я чувствую запах сигарет, его туалетной воды и собственного страха.

Колени дрожат, но встать всё равно приходится. Я расправляю плечи, но каждая клеточка тела при этом продолжает подрагивать. Грудь слегка выпячивается вперёд, и я чувствую, как лёгкий осенний ветерок, проскользнувший в комнату через приоткрытое окно, холодно её ласкает.

Граф касается пальцами моего плеча, проводит по ключице, обжигая кожу на шее своим дыханием.

Он делает это медленно, можно даже пофантазировать и сказать, что нежно, но это будет враньём. Я терплю его прикосновения изо всех сил, потому что адски его боюсь.

— Боишься? — спрашивает прямо на ухо.

— Нет...

— Врёшь, — улыбается и убирает от меня руки. — Одевайся, на сегодня хватит. Ты справилась. В следующий раз будет проще.

Я не верю своим ушам. Секунду стою как вкопанная, убеждая себя, что не ослышалась, а потом хватаю свои вещи с пола и натягиваю их обратно на себя.

— Спасибо за обед, Лена. Водитель отвезёт тебя домой.

Я пялюсь ему в спину, а он как ни в чём не бывало отвечает на очередной звонок.

15

Хватаю свою сумку и почти бегом направляюсь к выходу. У дверей оборачиваюсь на автомате, опасаясь, что он меня сейчас догонит и заставит раздеться уже полностью. Бред? Я так точно не думаю.

К счастью, Граф не обращает на меня больше никакого внимания, и я просто выскальзываю за дверь, где меня уже ждёт мой надзиратель. Он же водитель.

Оказавшись в машине, чувствую, как в горле появляется ком. Накрываю лицо ладонями и дышу. Часто и глубоко.

Мне повезло — сегодня он меня не тронул.

Но сколько это продлится?

Я не знаю и очень, очень боюсь об этом думать.

По возвращении в квартиру мысли о произошедшем становятся лишь навязчивее. Я касаюсь своей шеи с пониманием того, что он меня здесь касался, а потом вынудил снять майку.

Пялился на меня как на кусок мяса!

А я... я же человек! Всхлипываю и, рухнув на диван, смотрю в одну точку на стене. Внутри при этом такая тяжесть, будто меня накрыли бетонной плитой.

Сглатываю, ощущая стыд кончиками пальцев и покрасневшими щеками. Мне плохо и стыдно аж до тошноты. Крепко обнимаю себя руками, раскачиваясь вперёд-назад, как в детстве, когда пряталась от отцовского ора. Не помогает. Ничего не помогает.

Не знаю, сколько времени проходит. Может, час. Может, два, но я наконец заставляю себя встать. Отлипнуть от дивана и пойти в спальню, чтобы переодеться. Шмотки давят, я хочу снять их с себя, а лучше — сжечь.

Стаскиваю пиджак, майку, джинсы и остервенело натягиваю на себя мешковатый спортивный костюм. Он каких-то нереальных размеров и скрывает от чужих глаз всё моё тело. Ни полосочки не остаётся. Только голова, кисти и ступни. Удивительно, но это помогает. В нём я чувствую себя такой защищённой...

Собрав волосы в пучок, открываю холодильник, который, к счастью, забит продуктами, и достаю оттуда кусок мяса. Пошарив по ящикам, нахожу сковороду, режу свинину на мелкие кубики и закидываю на сковороду. Жарю до корочек, а потом ещё пассерую с луком.

Отец терпеть не мог мои вкусовые предпочтения.

Шмыгнув носом от проскользнувшей обиды, сваливаю мясо в тарелку, вооружаюсь вилкой и, забравшись на диван с ногами, приступаю к еде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.